

Пластилиновая ворона, или Кое-что об эмиграции от Дины Рубиной

Мы разбрелись по миру – где нас только нет! Для Дины РУБИНОЙ, так хорошо знакомой по публикациям в журнале "Юность", эмиграция – особая тема. Уже много лет она живет в Израиле. Здесь вышли ее новые книги – "Уроки музыки", "Ангел конвойный", "Один интеллигент уселся на дороге", "Последний кабан из лесов Понтеведра". Роман "Вот идет Мессия", номинированный на премию Букера, уже прочитан в Америке, Европе, опубликован и в России. Неизбывная тяга к чтению не оставляет наших соотечественников нигде, и Дину Рубину всегда с нетерпением ждут в Германии, куда она приезжает уже не в первый раз. И обязательно привозит с собой свои книги на русском, выходящие в Израиле. После одной из таких встреч в Бонне мы долго говорили о том, как живет и что чувствует русский писатель, заново написавший свой жизненный сюжет.

среди и человеческого окружения может оказаться попросту невыносимой.

– Человек интеллектуального, творческого способа существования всегда и везде одинок. Мой приятель из Нью-Йорка Володя Друк в поэме "Яблоко" написал: "Америка – как новая жена, с которой спишь на старой простыне...". Так вот он признался мне недавно: я смирился со всем, и иногда мне это даже нравится: я иду по Манхэттену и думаю, а ведь это здорово, что меня – нет! Русская писательская жизнь в Америке ли, в Израиле ли, в Германии – это жизнь окраины, жизнь провинции у моря. Метрополия – это Москва. А языковой пруд, в котором мы живем, постоянно нуждается в очистке, и важно, чтобы тебя не затянуло тинной. Среда создает писательскую личность... А потом уже может наступать время уединения.

– Это чувство, наверное, близко к сиротству – отсутствие крыши над головой, которая больше никогда не защитит?

– Никто и никогда не строил крыши над головой писателя. Эта такая профессия, когда ты особенно никому и не был нужен, кроме своих читателей. Писатель не нужен государству. Моя страна, в которой когда-то писатель был нужен обществу, закончила существование! Я не знаю, хорошо это или плохо для писательского сознания, потому что писатель в России привык к тому, что он значимое существо. Но кто-то из западных коллег писал: "Статус писателя в западном мире чуть ниже, чем статус циркового жонглера, и чуть выше, чем статус дрессированного тюленя". Писатель на Западе – это, как правило, преподаватель, надо на что-то жить. Я выбрала другой способ выживания – поездки, встречи и продажи книг. Многие писатели где-то работают, служат. Да, я прижилась в этой стране – здесь мой дом. Имя больше сейчас волнует уровень воды в озере Кинерет – единственном пресноводном источнике Израиля, чем политические баталии в России, потому что от этого зависит моя реальная жизнь.

Но Россия, из которой я уехала, по-прежнему остается во мне. Это моя языковая родина – родина моего сознания и языкового потока, в котором живет мое внутреннее "я". А здесь, в Израиле, я чувствую себя таким подкидышем, найденным, потерянным ребенком, который прижился в новой семье, и его в ней не обижали, но тем не менее он потерял своих родителей...

Беседу вел
Александр ТУРГАН
Бонн

– Что бы нам ни говорили, и как бы ни была подготовлена мягкая посадка, и какая бы работа и дружба ни ждали нас на новой земле – парализует шок от чужого языка и неба над головой, от чужих занавесок на чужих окнах, водопроводного крана, почему-то открывающегося совсем в другую сторону! Ведь рушится вся привычная жизнь. Страшная мясорубка, через которую пропущена человеческая судьба, заставляет человека встать на табуретку, засунуть голову в петлю – страшный, пространственный скачок зверски вышибает табуретку из-под его ног, и человек повисает в петле эмиграции... И поначалу он умирает...

И только со временем начинается процесс: из этих осколков – щебенки личности человек начинает постепенно себя собирать – как в детском мультике "Пластилиновая ворона", помните? Бац, и фигурка растекается, потом медленно начинает собираться, и вот уже высовывается рука, вот уже голова показывается, и вот она опять уже – человек!

Человечек-то человечек, но уже немножко другой. Его совсем по-иному вылепили обстоятельства жизни. Я много разъезжаю, и естественно, что на меня, как на попутчика в поезде, обрушивается весь поток прожитых людских жизней. Человек страшно уязвим в эмиграции! И как бы прекрасно ни сложилась его жизнь – он все равно обидится на эту жизнь за то, что она с ним сделала. А сделала она из него другого человека. Поэтому всегда будут плохими немцы, хотя вокруг прекрасные музеи и архитектура, но под рюмку водки или под утренний чай неожиданно проскользнет: я никогда не привыкну к этому языку. Вдруг выплывает, выползает наружу обида, разверстая рана, и в итоге – противостояние и отторжение до конца своих дней.

Даже в Америке, где много наших благополучных соотечественников,

правда, для этого безжалостно оборвавших все прежние связи и общающихся только с американцами, под ту же рюмку можно услышать: "Эти американцы – дебилы! С этой Моникой и войной в Косово – ни черта не смыслят, как дети..." – на поверку выходит то же самое противостояние.

И даже в Израиле ощущается что-то подобное. Хотя в личном отношении интеллигентный человек здесь наиболее сохранен – возможность культурного выбора для "нашего человека" тут намного шире, чем в других странах. Русская библиотека в Иерусалиме насчитывает в два раза больше томов, чем Тургеневская в Париже. При ней и других библиотеках существует множество дискуссионных клубов, лекториев, секций, они, конечно, качественно различны, я туда не хожу – я вообще человек уединенный, – но в этом бурлении есть некое сходство жизни с Москвой и Ленинградом. И плотность населения себе подобных в этой стране впечатляет. Израиль вынужден был принять огромное количество наших людей и вынужден с ними считаться. Я не говорю уже про "наши" партии и "наших" министров в правительстве Израиля...

– Да уж, такое, признаться, невозможно себе представить, скажем, в Америке, в европейских странах...

– Они там – пришлые и в этом состоянии "пришлости" существуют. В Израиле же, как известно, паспорт гражданина вручается сразу по прибытии, в аэропорту Бен Гурион. Нас, приехавших из России, уже не призывают растеряться. Но, становясь частью этого мира, человек вынужден учить язык. Многие пенсионеры, как моя мама, лопочут на иврите, в котором вместо букв бичи, крючки, веревочки. Хотя вся информация доступна на английском и уже на русском. Но даже в таком приспособленном для сохранения личности Израиле, что касается

нас, свершивших этот пространственный прыжок, то я глубоко уверена, что мы травмированы до конца наших дней, что бы ни произошло!..

А наши дети? Они уже полностью будут принадлежать этой стране, и это, видимо, спасает!

– Именно страх за детей толкает очень многих на выезд...

– Мой выезд был связан с неким эмоциональным надрывом – я человек, осознающий трагичность и значимость пути моего народа. И в Израиль я приехала не потому, что закрылась Америка. У меня сейчас есть возможность туда перебраться – чего я не сделаю никогда. Так же, как я не могла бы жить в Германии, это эмоционально не мое пространство. Я попала в Израиль – стремясь в него попасть.

– Петля эмиграции, затянувшая и вас, долго не отпускала. И потому, видимо, ваши новые книги появились не сразу.

– Эмиграция, повторяю, на какое-то время – эмоциональная смерть, возможно, клиническая. И человек умолкает – обстоятельства запечатывают ему уста. Молчащий писатель – это явление, распространенное в истории литературы. Но все равно и меня посетили страшный шок и страшное разочарование. Я писала об этой ситуации в романе "Вот идет Мессия", когда человек оказывается перед лицом своего народа: со всем его ухмыляющимся оскалом – чудовищным, но и вдохновенным. Еще Довлатов писал о том, что до переезда в Америку он представлял себе средний тип еврея как профессора Эйхенбаума, но на Брайтон Бич ему повстречались совсем другие типажы. И пресса в Израиле меня раздражала – такая бурная: правая, лево-красная и зелено-синяя в полосу, еще подогретая национальным темпераментом. Но сейчас мне гораздо ближе это многоцветье, чем общепринятая точка зрения.

– Но не все так преданы Израилю – довольно большое

число людей уже покинули его.

– Но те, кто остался, не отделяют свои проблемы от его проблем. Палестинская автономия находится в восьми километрах от моего дома, я живу на так называемых оккупированных территориях, мой маленький городок – спальный район Иерусалима. И каждый раз, когда я еду домой через Иудейскую пустыню, я внутренне готова ко всему: знакомую мне дорогу домой могут за день превратить в пальмовую аллею, а могут и закидать мой автобус камнями. Состояние внутреннего ожидания характеризует это государство. По-видимому, это как-то объединяет жителей.

– Но значимость и влияние "русской" диаспоры в Израиле не снимает межэтнического напряжения.

– У меня нет никаких иллюзий по отношению к тем, кто нас любит, а кто нет. На уровне же личных контактов у меня могут быть прекрасные отношения с моим соседом-марокканцем, хотя он умозрительно не любит "этих наглых русских". В силу своего образования, культурных предпосылок, своей живучести, наконец, мы очень быстро карабкаемся по социальной лестнице. И люди, приехавшие сюда намного раньше и наевшиеся своего дерьма – как положено, – не могут нам простить, что мы этого дерьма съели намного меньше. Израиль хоть и скандальная, но семья. Не знаю, воспринимают ли своей семьей Америку или Германию живущие в этих странах "русские".

– В одном из первых своих интервью российскому телевидению Владимир Максимов, много лет проживший во Франции, говорил о том, что никогда не осуждал людей, уезжающих на Запад в поисках хорошей жизни, – каждый человек имеет право желать себе лучшей доли. Но для людей культуры, говорил он, жизнь вне поля своего родного языка, профессиональной